

КоммерсантЪ - daily. - 1997.
- 22 нояб. - с:9

Никита Михалков — за ровное, глубокое дыхание культуры

Екатерина Деготь

Но ее сон нужно
бдительно
сторожить

Когда одновременно проводится несколько вернисажей или концертов, сам собой очевиден становится ответ на вопрос, с кем они, мастера культуры. Так, из Малого Манежа, с выставки современного немецкого классика Георга Базелица, в Российский фонд культуры, на открытие здания, вновь отстроенного после пожара, поспешил всего один человек — глава канала «Культура» Михаил Швыдкой. Видимо, только для него и то и другое — культура. (Еще, правда, был один видный чиновник, но для него, как всем хорошо известно, и то и другое — банкет).

Контрастнее мероприятий действительно не придумаешь. На Базелице дамы были в черном, в Фонде культуры — в розовом с золотыми пуговицами. Малый Манеж после предыдущей выставки немецкого искусства, которая была в октябре, сохранил приличный «никакой» белый вид («боярские» двери закрыли щитами), а здание Фонда культуры восстановлено в богатом купеческом стиле, тянущем на оценку «кич с плюсом» (оно принадлежало когда-то Сергею Михайловичу Третьякову, брату Павла и тоже собирателю, но в конце XIX века сама эпоха хорошим вкусом не обладала). В том же купеческом роде была в Фонде культуры и живопись, представленная в фойе. Пол мели многочисленные рясы. Сильно пахло ладаном.

Началось все с торжественного фотографирования главной троицы вечера — Михалкова-отца, Михалкова-сына и Его Святейшества патриарха Алексия II. Затем, после речи Никиты Сергеевича, патриарх наградил его Орденом Преподобного Сергия Радонежского, и крепкий мужской хор спел «Многая лета». Никита Михалков не остался в долгу и тоже сделал подарки патриарху. Последнему вручили гигантский натюрморт «Знаки патриаршего достоинства», икону палехского письма, панагию и коробку с разными сортами чая для «русской чайной церемонии» (фирма чаепроизводителей, разумеется, не осталась неизвестной слушателям и лично патриарху — Михалков в эту секунду даже повысил голос). На этом подарки были кончились, но тут Михалков воскликнул: «Нет, еще же мальчик!» Зал похолодел — неужели и мальчика подарят?

Однако это мальчику преподнесли подарок — за то, что в свое время он оперативно уюхал запах гари и тем самым предотвратил полное сгорание здания. Потом был концерт и неформальная часть, конфигурацией стола и музыкальным сопровождением больше всего напоминавшая свадьбу. Выходило нечто вроде мистического бракосочетания Культуры и Церкви. Народу было очень много,

ВИКТОР ВАСЕНИН

но, по признанию самого Михалкова, было бы и поболее, если бы не одновременный вечер в честь 70-летия Эльдара Рязанова (Швыдкой, судя по его вовремя ускользнувшему из зала силуэту, успел и туда — репутация ревнителя всего, абсолютно всего хорошего обязывает). Так что то, чему свидетелем я была, можно было бы обозначить формулой «Культура минус Рязанов», если понимать под Рязановым известную степень социальной критичности, различия и массовой неприязнательности. Мероприятие Михалкова напоминало «Жестокий романс» из одних его персонажей, в отсутствие режиссера. И стерлядь под шубой, уж конечно, не то, что невкусная заливная рыба из «Иронии судьбы».

В своем спиче Михалков выразил надежду, что его Дом станет «очагом, из которого произрастало бы ровное горение», но спохватился, вспомнив, что дом как раз только что горел, и поправился: «Ровное глубокое дыхание». Захотелось добавить: плавно переходящее в храп.

Михалковское понимание культуры в рискованной степени скучно (впрочем, от скуки есть верный рецепт: большие деньги). Культура, как он высказался, есть «вековые традиции, цементирующие нацию»; тут он перешел на популярную ныне фигуру речи — запугивание расколом в обществе. Под расколом, как можно судить по высказываниям не одного Михалкова, понимается вообще малейшая проясненность несходных позиций. «Нам говорят, одна программа должна быть для неверующих, другая для верующих. Как это возможно?! Сначала восстановите то, что уничтожили, а потом будем разговаривать», — воскликнул Михалков. И добавил: «Может быть».

Патриарх тоже высказался за целостность. Он осудил деление культуры на духовную и светскую: культура единая. Подразумевалось ли, что культура свободна быть такой, какой хочет? Боюсь, нет: то, что вся она является духовной и, следовательно, никак не может проходить по иному ведомству, кроме как рекомендованное оратору.

Новейший сценарий отношений культуры и церкви состоит в следующем: еще недавно, как известно, РПЦ заявляла свои права на древние иконы, находящиеся в музеях, но последние события в этой области выглядят совершенно иначе — теперь Церковь хотела бы, напротив, внести современные иконы в музей, справедливо рассудив, что стратегия тотализации куда победительнее, чем стратегия «каждому свое». Опыт латинских кузенов по веру, где Ватикан есть, как известно, самостоятельное государство со своими сокровищами и музеями, нашу церковь и нашу власть почему-то не прельщает: видимо, кажется тем самым страшным расколом, после которого небо свернется, как свиток. Так что последние новости из Третьяковской галереи: скоро в Клубе детского творчества, где раньше юные дарования махали кистями под Матисса, появится школа иконописания.

Кто-нибудь, может, и хотел бы расколоться, так воспрепятствуют. Как сказал патриарх директору Третьяковской галереи, который, будучи награждаем уже вторым патриаршим орденом, смутившись, признался: «Из бывших коммунистов я, Ваше Святейшество, в Бога не верую...» На что получил ответ: «А это неважно. Главное — как вы к церкви относитесь».